Литрес ≡ Классика

Михаил Лермонтов

КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ

Михаил Лермонтов

Княгиня Лиговская

«ЛитРес»

1838

Лермонтов М. Ю.

Княгиня Лиговская / М. Ю. Лермонтов — «ЛитРес», 1838

Светский Петербург. Молодой офицер Григорий Печорин встречает на балу женщину, которую когда-то любил и потерял. Теперь она замужем за пожилым князем и носит фамилию Лиговская. Возобновление старого знакомства пробуждает в герое сложную гамму чувств – от уязвлённого самолюбия до искренней боли, – а параллельно разворачивается история бедного чиновника Красинского, чья судьба неожиданно пересекается с кругом Печорина.

© Лермонтов М. Ю., 1838
© ЛитРес, 1838

Содержание

Глава I 6
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Михаил Юрьевич Лермонтов
Княгиня Лиговская

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Глава I

Поди! – поди! раздался крик!
Пушкин

В 1833 году, декабря 21-го дня в 4 часа пополудни по Вознесенской улице, как обыкновенно, валила толпа народу, и между прочим шел один молодой чиновник; заметьте день и час, потому что в этот день и в этот час случилось событие, от которого тянется цепь различных приключений, постигших всех моих героев и героинь, историю которых я обещался передать потомству, если потомство станет читать романы. Итак, по Вознесенской шел один молодой чиновник, и шел он из департамента, утомленный однообразной работой и мечтая о награде и вкусном обеде – ибо вое чиновники мечтают! На нем был картуз неопределенной формы и синяя ваточная шинель с старым бобровым воротником; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырек, воротник и сумерки; казалось, он не торопился домой, а наслаждался чистым воздухом морозного вечера, разливавшего сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлям домов, соблазнительным блистаньем магазинов и кондитерских; порою подняв глаза кверху с истинно поэтическим умиленьем, сталкивался он с какой-нибудь розо-

вой шляпкой и, смутившись, извинялся; коварная розовая шляпка сердилась, потом заглядывала ему под картуз и, пройдя несколько шагов, оборачивалась, как будто ожидая вторичного извинения; напрасно! молодой чиновник был совершенно недогадлив!.. но еще чаще он останавливался, чтоб поглазеть сквозь цельные окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолепной позолотою; долго, пристально, с завистью разглядывал различные предметы – и, опомнившись, с глубоким вздохом и стоическою твердостью продолжал свой путь; самые же ужасные мучители его были извозчики, – и он ненавидел извозчиков; «Барин! куда изволите? прикажете подавать? подавать-с!» Это была пытка Тантала, и он в душе глубоко ненавидел извозчиков.

Спускаясь с Вознесенского моста и собираясь поворотить направо по канаве, вдруг слышит он крик: «Берегись, поди!..» Прямо на него летел гнедой рысак; из-за кучера мелькал белый султан и развевался воротник серой шинели. Едва он успел поднять глаза, уж одна оглобля была против его груди, и пар, вылетавший клубами из ноздрей бегуна, обдал ему лицо; машинально он ухватился руками за оглоблю и в тот же миг сильным порывом лошади был отброшен несколько шагов в сторону на тротуар… раздалось кругом: «Задавил, задавил», – извозчики погнались за нарушителем порядка, но белый султан только мелькнул у них перед глазами и был таков.

Когда чиновник очнулся, боли он нигде не чувствовал, но колена у него тряслись еще от страха; он встал, облокотился на перилы канавы, стараясь прийти в себя; горькие думы овладели его сердцем, и с этой минуты перенес он всю ненависть, к какой его душа только была способна, с извозчиков на гнедых рысаков и белые султаны.

Между тем белый султан и гнедой рысак пронеслись вдоль по каналу, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на Симионовский мост, потом направо по Фонтанке и тут остановились у богатого подъезда, с навесом и стеклянными дверьми, с медной блестящею обделкой.

– Ну, сударь, – сказал кучер, широкоплечий мужик с окладистой рыжей бородой, – Васька нынче показал себя!

Надобно заметить, что у кучеров любимая их лошадь называется всегда Ваською, даже вопреки желанию господ, наделяющих ее громкими именами Ахилла, Гектора… она все-таки будет для кучера не Ахел и не Нектор, а Васька.

Офицер слез, потрепал дымящегося рысака по крутой шее, улыбнулся ему признательно и взошел на блестящую лестницу; об раздавленном чиновнике не было и помину… Теперь, когда он снял шинель, закиданную снегом, и взошел в свой кабинет, мы свободно можем пойти за ним и описать его наружность – к несчастию, вовсе не привлекательную; он был небольшого роста, широк в плечах и вообще нескладен; казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению; походка его была несколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто они выказывали лень и беззаботное равнодушие, которое теперь в моде и в духе века – если это не плеоназм. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человека; видно было, что он следовал не всеобщей моде, а сжимал свои чувства и мысли из недоверчивости или из гордости. Звуки его голоса были то густы, то резки, смотря по влиянию текущей минуты; когда он хотел говорить приятно, то начинал запинаться и вдруг оканчивал едкой шуткой, чтоб скрыть собственное смущение, – и в свете утверждали, что язык его зол и опасен… ибо свет не терпит в кругу своем ничего сильного, потрясающего, ничего, что бы могло обличить характер и волю: свету нужны французские водевили и русская покорность чуждому мнению.

Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности… толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то…

В заключение портрета скажу, что он назывался Григорий Александрович Печорин, а между родными просто Жорж, на французский лад, и что притом ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душ в Саратовской, Воронежской и Калужской губернии, – последнее я прибавляю, чтоб немного скрасить его наружность во мнении строгих читателей! виноват, забыл включить, что Жорж был единственный сын, не считая сестры, шестнадцатилетней девочки, которая была очень недурна собою, и, по словам маменьки (папеньки уж не было на свете), не нуждалась в приданом и могла занять высокую степень в обществе с помощию Божией, и хорошенького личика, и блестящего воспитания.

Григорий Александрович, войдя в свой кабинет, повалился в широкие кресла; лакей взошел и доложил ему, что, дескать, барыня изволила уехать обедать в гости, а сестра изволила уж откушать… «Я обедать не буду, – был ответ, – я завтракал!..»

Потом взошел мальчик лет тринадцати в красной казачьей куртке, быстроглазый, беленький и с виду большой плут, и подал, не говоря ни слова, визитную карточку: Печорин небрежно положил ее на стол и спросил, кто принес.

– Сюда нынче приезжали молодая барыня с мужем, – отвечал Федька, – и велели эту карточку подать Татьяне Петровне (так называлась мать Печорина).

– Что ж ты принес ее ко мне?

– Да я думал, что это все равно-с!.. может быть, вам угодно прочесть?

– То есть тебе хочется узнать, что тут написано.

– Да-с, – эти господа никогда еще у нас не были.

– Я тебя слишком избаловал, – сказал Печорин строгим голосом, – набей мне трубку.

Но это визитная карточка, видно, имела свойство возбуждать любопытство… Долго Жорж не решался переменить удобного положения на широких креслах и протянуть руку к столу… притом в комнате не было свеч – она озарялась красноватым пламенем камина, а велеть подать огню и расстроить очаровательный эффект каминного освещения ему также не хотелось. Но любопытство превозмогло, он встал, взял карточку и с каким-то непонятным волнением ожидания поднес ее к решетке камина; на ней было напечатано готическими буквами: «князь Степан Степаныч Лиговской, с княгиней». Он побледнел, вздрогнул, глаза его сверкнули, и карточка полетела в камин. Минуты три он ходил взад и вперед по комнате, делая разные странные движения рукою, разные восклицания, – то улыбаясь, то хмуря брови; наконец, он остановился, схватил щипцы и бросился вытаскивать карточку из огня: увы! одна ее половина превратилась в прах, а другая свернулась, почернела – и на ней едва только можно было разобрать «Степан Степ…»

Печорин положил эти бренные остатки на стол, сел опять в свои креслы и закрыл лицо руками, – и хотя я очень хорошо читаю побуждения души на физиономиях, но по этой именно причине не могу никак рассказать вам его мыслей. В таком положении сидел он четверть часа, и вдруг ему послышался шорох, подобный легким шагам, шуму платья или движению листа бумаги… хотя он не верил привидениям… но вздрогнул, быстро поднял голову – и увидел перед собою в сумраке что-то белое и, казалось, воздушное… с минуту он не знал, на что подумать, так далеко были его мысли… если не от мира, то по крайней мере от этой комнаты…

– Кто это? – спросил он.

– Я! – отвечал принужденный контральто – и раздался звонкий женский хохот.

– Варенька! какая ты шалунья.

– А ты спал!.. ужасно весело!..

– Я бы желал спать. Оно покойнее!..

– Это стыд! отчего нам на балах, в обществах так скучно!.. вы все ищете спокойствия, какие любезные молодые люди…

– А позвольте спросить, – возразил Жорж, зевая, – из каких благ мы обязаны забавлять вас…

– Оттого, что мы дамы.

– Поздравляю. Но ведь нам без вас не скучно…

– Я почему знаю!.. и что мы станем говорить между собою.

– Моды, новости… разве мало? поверяйте друг другу ваши тайны…

– Какие тайны? у меня нет тайн… все молодые люди так несносны…

– Большая часть их не привыкли к женскому обществу.

– Пускай привыкают – они и этого не хотят попробовать!..

Жорж важно встал и поклонился с насмешливой улыбкой:

– Варвара Александровна, я замечаю, что вы идете большими шагами в храм просвещения.

Варенька покраснела и надула розовые губки… а брат ее преспокойно опять опустился в свои кресла. Между тем подали свеч, и пока Варенька сердится и стучит пальчиком в окно, я опишу вам комнату, в которой мы находимся. Она была вместе и кабинет и гостиная и соединялась коридором с другой частью дома; светло-голубые французские обои покрывали ее стены… лоснящиеся дубовые двери с модными ручками и дубовые рамы окон показывали в хозяине человека порядочного. Драпировка над окнами была в китайском вкусе, а вечером, или когда солнце ударяло в стеклы, опускались пунцовые шторы, – противуположность резкая с цветом горницы, но показывающая какую-то любовь к странному, оригинальному. Против окна стоял письменный стол, покрытый кипою картинок, бумаг, книг, разных видов чернильниц и модных мелочей; по одну его сторону стоял высокий трельяж, увитый непроницаемою сеткой зеленого плюща, по другую – кресла, на которых теперь сидел Жорж… На полу под ним разостлан был широкий ковер, разрисованный пестрыми арабесками; другой персидский ковер висел на стене, находящейся против окон, и на нем развешаны были пистолеты, два турецкие ружья, черкесские шашки и кинжалы, подарки сослуживцев, погулявших когда-то за Балканом… на мраморном камине стояли три алебастровые карикатурки Паганини, Иванова и Россини… остальные стены были голые, кругом и вдоль по ним стояли широкие диваны, обитые шерстяным штофом пунцового цвета; одна-единственная картина привлекала взоры, она висела над дверьми, ведущими в спальню; она изображала неизвестное мужское лицо, писанное неизвестным русским художником, человеком, не знавшим своего гения и которому никто об нем не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазия, глубокая, мрачная. Лицо это было написано прямо, безо всякого искусственного наклонения или оборота, свет падал сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо, – казалось, вся мысль художника сосредоточилась в глазах и улыбке… Голова была больше натуральной величины, волосы гладко упадали по обеим сторонам лба, который кругло́ и сильно выдавался и, казалось, имел в устройстве своем что-то необыкновенное. Глаза, устремленные вперед, блистали тем страшным блеском, которым иногда блещут живые глаза сквозь прорези черной маски; испытующий и укоризненный луч их, казалось, следовал за вами во все углы комнаты, и улыбка, растягивая узкие и сжатые губы, была более презрительная, чем насмешливая; всякий раз, когда Жорж смотрел на эту голову, он видел в ней новое выражение; она сделалась его собеседником в минуты одиночества и мечтания – и он, как партизан Байрона, назвал ее портретом Лары. Товарищи, которым он ее с восторгом показывал, называли ее порядочной картинкой.

Между тем, покуда я описывал кабинет, Варенька постепенно придвигалась к столу, потом подошла ближе к брату и села против него на стул; в ее голубых глазах незаметно было ни даже искры минутного гнева, но она не знала, чем возобновить разговор. Ей попалась под руки полусгоревшая визитная карточка.

– Что это такое? «Степан Степ…» А! это, верно, у нас нынче был князь Лиговской!.. как бы я желала видеть Верочку! замужем, – она была такая добрая… я вчера слышала, что они приехали из Москвы!.. кто же сжег эту карточку… Ее бы надо подать маменьке!

– Кажется, я, – отвечал Жорж, – раскуривал трубку!..

– Прекрасно! я бы желала, чтоб Верочка это узнала… ей было бы очень приятно!.. Так-то, сударь, ваше сердце изменчиво!.. я ей скажу, скажу – непременно!.. впрочем, нет!.. теперь ей, должно быть, все равно!.. она ведь замужем!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.